

Саулюс Грибкаускас, 2008-09-04

Институциональные конфликты «Министерство СССР – Республика ССР» и номенклатурная иерархия в управлении промышленностью в Советской Литве в 1965-1975 г.

В своем докладе номенклатурную иерархию в управлении промышленностью в советской Литве я буду рассматривать в контексте институциональных конфликтов между советской республикой и общесоюзными министерствами СССР. При этом нельзя упускать из виду соотношений как республики с Центром, так и министерств с Кремлем. Все таки, из-за проблемы доступности архивного материала о деятельности центральной власти СССР в изучаемый период, говорить о Кремлевской политике в этом соотношении сложно.

С первого взгляда может показаться, что значение отношений между министерством и элитой союзной республики является второстепенным как в контексте всей советской системы, так и ситуации отдельной республики. Можно как бы объяснять, что при разделении такой линии конфликтов и напряжений сам Центр остается не в сфере внимания. Не уменьшая роль контроля из Центра и советского государства как авторитарного, все таки, нужно подчеркнуть значимость отношений между союзным министерством и республикой.

Во первых, изучение системных конфликтов между министерством и республикой может частично помочь понять поведение самого Кремля, если не конкретные действия конкретных кремлевских политиков, то хоть те институциональные возможности, которые открывались перед Центром. Можно сказать, что такой анализ есть очень близким к подходу рационального выбора. Например, поведение и деятельность Второго секретаря ЦК КП Литвы, как своеобразного агента Центра в республике, позволяет нам понять возможность Центра получать объективную информацию и производить контроль. Этот функционер олицетворял как бы взгляд Центра на отношения республики с министерством.

Во вторых, в перспективе отдельной республики бывшие партийные чиновники любят вспоминать несогласие с Центром, при этом подразумевая больше Кремль, а не союзные министерства. Разделяя и анализируя понятие Центр мы можем видеть более правдивый вид, нежели только утверждать, что главная «война» шла с «Москвой». Это была достаточно практичная, мало «героическая» противоборство с союзными министерствами, хотя оно и влияло как на судьбу всей страны, так и республики. При

анализе мы уже видим не столько героическое сопротивление мистическому Центру, а конфликт и напряжения, которых способствовало не только «героизм» номенклатуры, а сама система. Хотя в воспоминаниях акцент делается на достижениях бывшей номенклатуры в получении инвестиций на строительство, в сельское хозяйство, в легкую промышленность, все таки, с точки зрения дефицита ресурсов, что и составляет главную суть предмета экономики, эти выгодные для республики вложения могли быть только на «пустом поле». С начало ее надо было «отвоевать» из союзных министерств тяжелой промышленности и достичь, что ограниченные ресурсы рабочей силы были направлены на желанный сектор. Поэтому напряжение, конфликт и конкуренция с союзными министерствами за «пустое место» был не менее важен, нежели получить инвестиции на желанные номенклатурой республики сектора экономики.

Доклад состоит из трех частей. В первой части дается общее представление о системных конфликтов между союзным министерством и союзной республикой, во второй - иерархические отношения между министерскими и республиканскими руководителями. В третьей части глубже анализируется ситуация в республике – отношение между главными партийными чиновниками, которые занимали ключевые позиции в управлении промышленностью.

Системный конфликт республика - министерство

После реформы Косыгина в 1965 г. управление тяжелой промышленностью было передано общесоюзным министерствам. Тем самым литовская номенклатура утратила интерес дальнейшего интенсивного развития тяжелой промышленности, не желая ограниченные ресурсы рабочей силы направлять на ней не подведомственные сектора. При конкуренции союзных министерств с республиками из-за влияния в народном хозяйстве, главной сферой напряжения стали инвестиции, стремление контролировать «капитальное строительство». В этой сфере литовская номенклатура чаще всего пользовалось постановлением ЦК КПСС И СМ СССР от 4 октября 1965, в котором Совминам союзным республик было предоставлено право «рассматривать разработанные министерствами и ведомствами СССР проекты планов по подведомственным им предприятиям, находящимся на территории республики (кроме планов разработки оборонной продукции) и представлять предложения по ним в Совет Министров СССР и Госплан СССР»¹. Хотя слова «представлять предложения» звучит как очень ограниченное право, по своему содержанию это было широкие полномочие. В Советской

¹ Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 4 октября 1965 г. О передаче дополнительно на решение Советов министров союзных республик вопросов хозяйственного и культурного строительства, *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967)*, Москва, 1968, с. 685. См. так же: [http://www.socialsciences.manchester.ac.uk/disciplines/politics/research/SovietProvinces/documents/CM2/October-04-1965\(2\).pdf](http://www.socialsciences.manchester.ac.uk/disciplines/politics/research/SovietProvinces/documents/CM2/October-04-1965(2).pdf)

экономической системе упомянуты союзные институты, в месте с ЦК КПСС, имели статус высшего арбитра и «предложения» приравнивались требованиям союзной республики к союзной министерстве внести коррекции в своих инвестиционных планах по территории республики. Перед началом новых стоек и расширением завода, союзные министерства были обязаны получить согласие СМ республики.

В отличие от республики, которая старалась усилить значимость этого постановления, союзные министерства, особенно в начале косыгинской реформы, не уделяли ему большого внимания. Они искали путей обхода или избегания необходимого согласования. Институционный рост роли министерств в советской системе делал неизбежным их столкновение с номенклатурой республик, которая ясно воспринимала и идентифицировала министерства как конкурента в управлении промышленностью республики или региона.

1968 и 1969 года можно четко назвать началом конфликтов республики с союзными министерствами. Руководство республики не только решала вопросы капитального строительства с конкретным министерством СССР, но и посылала жалобы Совмину СССР, указывая на незаконные действия и нарушения со стороны министерств. В 1968 г. была выслана телеграмма председателя Совмина ЛССР Совмину СССР, Госплану СССР и министерству электронной промышленности СССР из-за строительства нового завода «Нуклон» в г. Шяуляй. В ней утверждалось, что союзное министерство не согласовав с республикой численность рабочих и других вопросов, касающихся республики, утвердило проектное задание по строительству завода интегральных схем и уже в 1969 г. планирует начало строительства.² В телеграмме руководители республики просили правительства СССР поручить министерству согласовать проектное задание с «республикой». Отвечая на эту телеграмму, зампред Совмина СССР Л. Смирнов поручил министру Электронной промышленности А. Шокину и Ю. Манюшису этот вопрос решать с зампредами Госплана СССР В. Исаевым и В. Рябиновым.³

В 1969 г. возникли «недразумения» с другими союзными министерствами. Несмотря на хорошие отношения с министерством Приборостроения СССР, которые хорошо иллюстрирует визит министра К. Руднева в Вильнюс в 1965 г. и его персональная поддержка идеи республики по созданию промышленного объединения «Сигма»⁴, после 3 лет министерство и республика стали на путь конфронтации. Министерство

² Телеграмма Манюшиса в СМ СССР, Госплану СССР и министерству электронной промышленности, *Центральный государственный архив Литвы (ЦГАЛ)*, ф. R-754, оп. 13, д. 1049, л. 9.

³ Резолюция Л. Смиртюкова от 18 октября 1968 г., *ЦГАЛ*, ф. R-754, оп. 13, д. 1049, л. 8.

⁴ Письмо Руднева А. Снечкусу и Шумаускасу от 25 апреля 1966 г., *Особый архив Литвы (ОАЛ)*, ф. 1771, оп. 234, д. 28, л. 53.

Приборостроения не согласовав с «республикой» выступило с предложением перед Совмином СССР утвердить проект постановления, в котором предусмотрена расширение Каунасского экспериментального завода. Союзное постановление было принято, а в Литве информация о нем получена уже после этого⁵. Совмин республики такие действия министерства обжаловал Совмину СССР. В его письме выражалось неудовольствие, что союзные министерства не придерживаются законов и постановлений, потому их решения нарушают комплексное экономическое развитие республики⁶.

Похожую жалобу союзному правительству Госплан республики подготовил и к отношению Министерства автомобильной промышленности СССР. В ней указывается, что министерство приняло одностороннее решение строить цех литья на заводе велосипедов «Вайрас»⁷. Видимо, не желая портить отношения с руководителями министерства, власть республики передумало и решило о нарушениях министерства информировать только Госплан СССР⁸.

Без писем о нарушениях в Совмин СССР обошелся конфликт с министерством Электротехнической промышленности СССР. В начале, в обычным путем решении вопросов согласования, зам. министр обратился в Совмин ЛССР с предложением расширить кабельный завод в г. Паневежис «Льеткабелис». Новый 6000 кв.м производственный корпус, по мнению министерства, был нужен для начатия производства новой продукции эмалированных проводов. Совмин республики в лице зампреда Кульвеца выслал негативный ответ, поэтому решения этого вопроса должен был взяться сам министр А. Антонов. В своем письме председателю Совмина республики Манюшису он критиковал позицию Кульвеца не согласиться с расширением завода из-за нехватки рабочей силы в городе⁹. Он утверждал, что желание расширить «Льеткабелис» не является какой-то прихотью министерства и указывал на постановление ЦК КПСС и СМ СССР мая 1968 г. Этим постановлением министерство обязывалось начать новое производство. Плановый рост численности рабочей силы из-за расширения, по утверждению Антонова, должен был быть не высок – 300-350 человек. По словам министра, новый корпус, сметная стоимость которого составит 3 млн. рублей, позволит предприятию производить продукцию за 1162 млн. руб. в год¹⁰.

⁵ Письмо зам. Министра приборостроения СССР Г. Журбенко К. Кайрису, ЦГАЛ, ф. R-754, оп.4, д. 7484, л. 49-51.

⁶ Там же.

⁷ Проект письма Госплана СССР Госплану СССР, ЦГАЛ, ф. R-755, оп. 2, д. 5977, л. 326.

⁸ Письмо зампреда Госплана ЛССР Драгялиса Госплану СССР от 24 февраля 1969 г., ЦГАЛ, ф. R-755, оп. 2, д. 5980, л. 84.

⁹ Письмо министра Электротехнической промышленности СССР Ю. Манюшису от 13 мая 1969 г. ЦГАЛ, ф. R-754, оп. 4, д. 7482, л. 124.

¹⁰ Там же.

Именно Антоновым упомянутое постановление, а точнее, обстоятельства его принятия и злило представителей республики. Обсуждая этот, скорее всего, министерством подготовленное постановление, Совмин республики не был даже ознакомлен с ним. В справке, подготовленной заведующим отделом промышленности Совмина ЛССР П. Куокштисом, утверждается, что в Литве не знали о принятии этого постановления.¹¹ Этот вопрос в 30 мая 1968 г. обсуждавший Совмин ЛССР решил снова не одобрить расширение завода. Министерству было предложено пересмотреть номенклатуру изделий завода, больше внедрять процессы механизации и автоматизации в производстве, а эмалированные кабели производить уменьшая объемы кабелей с пластмассовой изоляцией¹².

Конфликты и напряжения, упомянуты выше, небыли свойственны только концу 60-тых. Можно сказать, что при решении таких проблем, при реализации права Совмина на «согласование» создавались бюрократические процедуры. Анализируя их можно лучше понять саму иерархию управления промышленность СССР. Нужно ли говорить только о политической вертикали, исходящей из Москвы, или, все таки, существовало и горизонталь в отношении между институциями в Москве и республики? Высоко ли в «бюрократическом рынке» оценивались функционеры из Литвы?

Иерархия руководителей республики и союзных министерств

Бывший первый зам. министр строительства СССР Ромуальдас Сакалаускас в своих воспоминаниях замечает достаточно слабое политическое влияние руководителей республики в контексте СССР. По его утверждению, Министр СССР был выше чем Председатель Совмина республики, по этому сам министр не участвовал на заседания «Совминов республик»¹³. Значимость и влияние союзного министра очевидна из того внимания литовский функционеров, уделяемых визитам министров. Союзные министры «не утомляли» местных функционеров своими частными визитами. Например, на пленуме ЦК КПЛ в 1980 г. руководитель республики П. Гришкявичюс перечислил в 1978-1980 г. первой половине в Литве побывавших Министров: Автомобильной промышленности – Н. Тарасова, Н. Трофимова, Пищевой промышленности – Н. Лейна, Машин для Сельского хозяйства – К. Беляка, Министерства монтажа и спец. строительных работ – Б. Бакина, нефтеперерабатывающей промышленности – В. Федора, промышленности средств связи – Е. Первышина, Путей сообщения – И. Павловского, В. Камецева, Средмаша – Е. Славского, строительства – Г. Караваяева, Электронной промышленности – А. Шокина,

¹¹ Справка Куокштиса от 26 мая 1969 г., там же, л. 125.

¹² Протокол Комиссии по идущим вопросам Совмина ЛССР от 30 мая 1969 г., там же, л. 130. Письмо К. Кайриса министерству электротехнической промышленности от 5 июня 1969 г., там же, л. 31.

¹³ R. Sakalauskas, *Statybininko prisiminimai*, Vilnius: Technika, 2003, с. 403.

Энергетики и электрофикации – П. Непорожного¹⁴. Чаще всего Литву посещал министр электронной промышленности А. Шокин, который несколько каденсий избирался депутатом Верховного Совета СССР в избирательском округе Шяуляй. По воспоминанию бывшего работника транспортного отдела Совмина ЛССР А. Карпавичюс, министров часто сопровождали в Литве заместитель Совмина или секретарь ЦК КПЛ по экономике.

Несмотря на большое внимание, уделяемое визитам министров, отношения между министром и первыми лицами республики напоминают скорее всего паритет, а не безусловное признание силы министра. Направление потока писем между министерствами СССР и властью республики, короткие справки работников отделов позволяет четко определить не только значение конкретного письма, но существовавшие нормы бюрократической корреспонденции, позиции функционера в иерархии управлением промышленностью.

Советской административной системе было присуще большая рутина при принятии и реализации постановлений власти. Документы по экономическим вопросам в союзные институции часто всего подписывали эту часть курировавшие секретари Ю. Манюшис (1955-1967), А. Ференсас (1967-1977) и А. Бразаускас (1977-1988). Эти функционеры так же подписывались и под ответами на письма по экономическим вопросам, адресованными первому секретарю ЦК КПЛ.

Документы, подготовлены аппаратом Совмина Лит. ССР обычно посылались в министерство в Москве с подписями зампредов Совмина П. Кульвеца (1965-1975 г.) и Ю. Русенки (1975-1990), курировавших сферу промышленности, а в более сложных моментах, особенно, если Министерство СССР по этому вопросу обращалась повторно – и с подписью первого зампреда К. Кайриса (1965-1984). Письма этого функционера, как и секретаря ЦК КПЛ по экономическим вопросам, можно отнести к промежуточному уровню между «ординарным» и «экстра ординарным» уровнем. Существует письма с подписью секретаря ЦК КПЛ, адресованные не только министерству, но и министру СССР лично. Все таки, не пришлось найти документов, в которых министр обращался к секретарю именем и отчеством.

С другой стороны, хотя секретарь часто всего поддерживал корреспонденцию с зам. министра СССР, все таки его не нужно отнести к ординарному уровню, как зампреда Совмина ЛССР. Во первых, обращение министерства в партийные органы, а не Совмин носило как бы попытки министерства обойти Совмин, решить вопрос на более высоком, партийном уровне. Во вторых, надо иметь в введу и особенности партийной структуры.

¹⁴ Стенограмма речи Гришкявичюса на пленуме ЦК КПЛ 8 апреля 1980 г., P. Griškevičiaus kalbos 1980 m. balandžio 8 d. LKP SK plenumo stenograma, *Особый архив Литвы (ОАЛ)*, ф. 1771, оп. 257, д. 2, л. 9.

Более низкое звено – секретарю подвластные заведующие отделами - не имели права подписи для документов, выходящих в наружу.

На письма секретаря ЦК КПЛ и зампредов Совмина как обычно отвечали заместителя министров. Этим заканчивался «ординарный» цикл бюрократической корреспонденции. Очень часто на этом уровне не удавалось решить актуальный вопрос, поэтому предавались усилия проблему решить на уровне первых руководителей. К таким неординарным письмам относятся просьбы, адресованные министрам СССР, подписанные первым и вторым секретарями ЦК КПЛ, также председателем Совмина ЛССР. Часто такие документы обозначает, что существовало некоторые не решенные вопросы, которых трудно было решить ординарным путем, потому ссылались на авторитет первых лиц и персональное знакомство с руководителем министерства. Этим письмам присуще не официальный стиль, а более неформальные моменты, дружественный тон, часто обращается именем и отчеством, акцентируются личные связи и готовность их поддерживать.

Письма похожей формы посылались не только в Москву. Существует не мало документов, в которых министр СССР именем и отчеством обращается к первому секретарю ЦК КПЛ или председателю Совмина. Например, министр Приборостроительной промышленности К. Руднев в 1978 г. лично обратился к председателю Совмина Ю. Манюшису с просьбой позволить расширить завод точной механики в г. Паневежис: «Предварительно согласовав с Вами, расширение предприятия предусмотрено в этом пятилетке. Министерство просит подтвердить Ваше согласие»¹⁵. В том же самом году министр по производству машин для сельхозяйства К. Беляк просил 1 секретаря ЦК КПЛ Гришкявичюса: «Просим Вас, уважаемый Петр Петрович, лично присмотреть за ходом строительства объединения «Нерис»»¹⁶.

Корреспонденция между министерством строительства СССР и ЦК КПЛ в 1978 г. хорошо показывает не только бюрократические перипетии подготовки документов, но и значимость подписи функционеров. В ответ на первое письмо министра от 24 мая был выслан документ с подписью секретаря Бразаускаса. Ответ республики не удовлетворял министерство, и министр Короваев повторно обратился лично к Гришкявичюсу. Резолюция заведующего промышленно-транспортным отделом ответ готовившим работникам отдела показывает значимость подписи: « Тов. Диджиокасу и Жукаускасу.

¹⁵ Письмо Реунева Ю. Манюшису, ЦГАЛ, ф. R-754, оп. 4, д. 10006, л. 98.

¹⁶ Письмо Беляка Гришкявичюсу, 1978 г., ЦГАЛ, ф. 1771, оп. 255, д. 257, л. 42.

Когда будет принят нами подготовленное постановление, надо будет подготовить письмо тов. Кароваеву с подписью тов. Гришкявичюса.»¹⁷.

Письма этой второй группы хорошо демонстрируют иерархию управления экономикой. Вряд ли нам удастся найти документы, в которых министр СССР именем и отчеством обращался к зампреду Совмина. Последние относились более низкому звену зам. министр СССР – зампред Совмина ЛССР. И на оборот – вряд ли мы найдем письмо первого секретаря ЦК КПЛ или председателя Совмина ЛССР зам. министру СССР. Хотя и попадались письма зам. министров первым лицам республики, на их обычно отвечали зампред Совмина.

На упомянутых двух уровнях обычно достигались соглашения. Хотя они не всегда удовлетворяли литовскую номенклатуру, портить «дружеские» отношения с министерствами, а особенно, с министрами не хотелось. Нередко не удовлетворение республиканской номенклатуры в одном вопросе через бюрократический обмен был компенсирован обязательствами министерства в другой сфере. Бывший заведующий промышленно – транспортным отделом ЦК КПЛ Л. Максимов утверждает, что в советские времена не было принято говорить о неформальных соглашениях между министерством и республикой. Упомянув, что республика не была заинтересована в расширении Каунаского завода Крепежных изделий, Л. Максимовас мыслил: «я не помню, почему мы сдались министерству, почему разрешили строить этот завод. Может это было дань министерству за другие какие то хорошие дела»¹⁸?

Все таки «блага настроенные» согласование интересов и бюрократические обмены имели границы, которых чертили напряжения, обуславливаемые самой советской системой. Экстенсивный образ советской экономики принуждал министерства как можно больше инвестировать на производство, особенно в Европейской части страны, где мощности вводились достаточно придерживаясь графика, а издержки на социальные, культурные и бытовые проекты ограничивать. Скрещивание разных стремлений, свойственная командной экономике долгое планирование при принятии решений поощряло министерство принимать односторонние решения, которыми как бы проверялось сила власти республики защитить свои интересы. Постоянно в «порядке исключения» проводимые уступки не могли не вызывать не удовольствие у функционеров республики. В случае неудачи «мирного» согласования, руководители ЛССР обращались к высшим арбитрам – в ЦК КПСС и Совмин СССР. Такого рода письма свидетельствуют

¹⁷ Справка Максимова на письме Кароваева Гришкявичюсу от 1 ноября 1978 г., ЦГАЛ, ф. 1771, оп. 255, д. 257, л. 47.

¹⁸ Интервью С. Грибкаускаса с Л. Максимовым от 2 декабря 2003 г., Архив Института истории Литвы (АИИЛ), ф. 61, д. 12. минута 41.

стремление литовской номенклатуры акцентировать значения проблемы для территориального управления, неспособность эту проблему решить не только обычным, ординарным путем, но и на высшем уровне министерства и республики. Этим письмам, которых можно отнести к отдельной, третьей группе, свойственна официальность, которая указывает на существование не только напряжения, но и конфликтов.

Второй секретарь ЦК КП республики и секретарь ЦК КП республики по экономике – конкуренция номенклатурных систем и сетей

Можно с уверенностью утверждать, что позиция Второго секретаря ЦК КПЛ (далее – «Второй») и Секретаря ЦК КПЛ по экономическим вопросам (далее – Секретарь) как бы олицетворяют две разные поведения. Во первых, «Вторые» были как бы ставленниками Москвы, «серые кардиналы», а сфера экономики (да еще культуры) считалась и считается как наиболее удобное для развития автономных тенденций власти республики. Я выбрал эти две позиции, которых в это время занимали четыре функционеры – два «Вторые» и два «Секретаря». Фактически во всех воспоминания бывших деятелей говорится о своеобразном экономическом национализме (патриотизме), экономических успехов республики в советское время в развитии дорог, инфраструктуры, жилых домов и строительной индустрии¹⁹. При этом все лавры, конечно, отдаются не Москве, а «умелым» чиновникам в Литве, партократам, среди которых пост секретаря по экономике был очень влиятелен. Хотя только «пятый по рангу»²⁰ среди других секретарей ЦК КПЛ, все таки, позиция Секретаря из-за важности сферы экономики для автономии от центра было серьезной ступенью для предъявления претензий на самые высокие посты во власти республики. Работавший Секретарем Ю. Манюшис в 1967 был назначен председателем Совмина ЛССР. После смерти А. Снечкуса в 1974 г. он был один из кандидатов на пост «Первого», но влиятельная группировка, лидером которых являлся председатель Госплана республики А. Дробнис, сделала все шаги в Москве, чтобы этот слабо по литовски говоривший «русский литовец» не был назначен на этот пост.

Еще больше претензий на пост первого секретаря имел приемник Манюшиса Алгирдас Ференсас, который был Секретарем в 1967-1977. Но как говорилось в кулуарах бывшей номенклатуры, неприличный для партийной этики развод с женой помешал ему в конкуренции на пост первого секретаря²¹. То, что Ференсас был серьезным конкурентом, показывает действие вновь избранного на пост «Первого» П. Гришкявичюса. В 1977 г.

¹⁹ V. Butėnas, *Cėka*, Vilnius, 2005; Algirdas Brazauskas, *Lietuviškos skyrybos*, Vilnius, Politika, 1992; Romualdas Sakalauskas, *Statybininko prisiminimai*, Vilnius, Technika, 2003.

²⁰ А. Бразаускас утверждает, что негласно так его называли в ЦК КПЛ, Algirdas Brazauskas, *Lietuviškos skyrybos*, Vilnius, Politika, 1992.

²¹ Lietuva 1940-1990, Vilnius, 2007, с. 511.

Ференсас был оттеснен на мало влиятельный пост председателя советов профсоюзов ЛССР.

Все таки, в вопросах по экономической политике Ференсас уступал своему приемнику Бразаускасу. Очевидна разница между секретарями по экономическим вопросам А. Ференсасом (1967-1977) и его приемником А. Бразаускасом (1977-1988). Первый не скупился и участвовал на заседаниях, которым председательствовал зампред Совмина П. Кульвец. Он также был рядовым членом в Бюро ЦК КПЛ созданных комиссиях по экономическим вопросам, которым председательствовал первый зампред Совмина Ксаверас Кайрис. После занятия этого поста Бразаускасом, главным центром разработки позиций республики по вопросам инвестиций и расширению предприятий стал не Совмин, а ЦК КПЛ, точнее – в 1979 г. созданный Совет по разделению производственных сил при Бюро ЦК КПЛ. Как видно из коротких справок на документах, сделанных рукой работников промышленного отдела Совмина, заместитель Совмина по вопросам промышленности Юрий Русенко часто всего консультировался не с первым замом Кайрисом, а с Бразаускасом. Более того, Бразаускас руководил уже упомянутым Советом, в котором рядовым членом был и первый зампред Совмина Кайрис. Из некоторых мемуаров можно разглядеть и существовавшую некоторую конкуренцию между Кайрисом и Бразаускасом. По утверждению писателя В. Пятквичуса, который в советское время был близок к номенклатурному кругу, К. Кайрис очень скептически оценивал как самого Бразаускаса, так и пост Секретаря²². Частично это может подтвердить и интервью с Бразаускасом, в котором он достаточно скептически отнесся к услугам Кайриса при реализации интересов республики²³. Другие бывшие деятели Кайриса оценивают в своих интервью гораздо лучше.

В отличие от своих предшественников, Альгирдас Бразаускас карьеру начал не как партийный работник, а как представитель «технократии». До своего назначения на пост секретаря он работал первым зампредом Госплана ЛССР. Назначение Бразаускаса Секретарем был первый случай в Литве (если не во всем СССР), когда на достаточно высокий партийный пост назначалось лицо, совсем не имевшее опыта партийной работы. Пост Секретаря стал решающим для дальнейшей карьеры Бразаускаса. Во время перестройки он в 1988 г. был избран первым секретарем ЦК КПЛ, позднее стал первым президентом Литовской Республики (1993-1998). В 2001 г., уже после своего объявления об уходе с активной политике, А. Бразаускас вернулся на пост премьера Литвы (2001-2006).

²² V. Petkevičius, *Durnių laivas*, V., 2003, c. 32, 33.

²³ Интервью С. Грибкаускаса с А. Бразаускасом от 11 февраля 2008 г.

Надо сказать, что Литва не была исключением, где секретари по экономике могли иметь реальные претензии стать первыми лицами республики. Например, 1978 г. Карл Вайно стал первым секретарем ЦК КП Эстонии. Перед тем он 1960-1978 г. был секретарем по экономике ЦК КП Эстонии.

В отличие от Секретаря, выше по рангу в номенклатурной иерархии стоявшие «Вторые» не могли иметь даже претензии на пост «Первого». Конечно, это правило не касалось славянских республик – России, Украины и Белоруссии. Так второй секретарь ЦК КП Украины Иван Казанец (1960-1963) был назначен председателем Совмина УССР, после чего продолжительное время работал министром черной металлургии СССР. Александр Ляшко («Второй» 1966-1969) был назначен председателем Верховного совета, а 1972-1987 г. был Председателем Совмина Украинской ССР.

Можно ли деятельность «Вторых» оценивать как агентов Центра в республике? Какими институционными и неформальными клиентскими связями в Литве он пользовался? Как можно типизировать их деятельность? Удавалось ли литовской номенклатуре, и если удавалось, какими средствами и путями «локализовать» «Вторых» - эти вопросы может нам послужить при освещении не только ситуации в республиках, но и при изучении самого потенциала советской системы. Если «Второго» можно считать агентом Центра, становятся актуальными вопросы - хватало ли ему политической власти, влияния, исходящего из его создаваемых неформальных сетей для в центробежной деятельности. В своем интервью А. Бразаускас указал, что сильной помехой для действий литовской номенклатуры были «Вторые», которые тесно сотрудничали с первым зампредом КГБ ЛССР. Бывший заместитель народного контроля ЛССР Волунгявичюс в своем интервью указал, что источником власти и силы председателя народного контроля ЛССР Бараускаса были его тесные связи со Вторым²⁴. Зная, что в городских и районных комитетах партии тоже существовала «система вторых секретарей» (на этот пост как правило назначались русскоязычные лица), мы можем разглядеть систему, на базе которой Второй секретарь ЦК КПЛ мог развивать сеть неформальных патрон - клиентских отношений. Можно разглядеть и своеобразную конкуренцию между двумя системами и сетями: литовской номенклатуры, которая выражала экономические и социальные интересы жителей республики и Второго секретаря со системой «вторых лиц», который представлял интересы Центра.

В сущности, система вторых секретарей была дискриминационной в плане национальной политики. Ошибка центра кроилась не в самом институте Вторых секретарей, а в том, кем он наполнялся. Лица других национальностей, кроме русских, не

²⁴ Интервью С. Грибкаускаса с Волунгявичюсом от 29 января 2008 г.

назначались на этот пост, с другой стороны, для работы в обкомах в России на эти функции не рекрутировались не литовцы, не лица других национальностей.

Из биографии двух «Вторых», 1967-1986 г. работавших в Литве, очевидно, что ним не было чужда работа «производителя». В отличие от них, представители литовской номенклатуры обычно карьеру делали через партийную или комсомольскую линию, не имея опыта заводской работы. Более того, ментальность и идентичность высших литовских партийных функционеров тяготела к земледельцам, а не заводам. Сам имидж Первого секретаря А Снечкуса (1940-1974) – «хозяина», большинстве озабоченного делами на селе. До поздней советской индустриализации в 60-70-ых Литва была аграрной республикой и не имела заводских поколений. Это как бы представляло преимущество «Вторым», их претензиям на контроль управлением промышленностью. Во вторых, в отличие от желания литовской номенклатуры развивать легкую промышленность, Вторые секретаря были представителями тяжелой промышленности, даже – Военно-промышленного комплекса. Например, еще бывая студентом Московского авиационного института им. Орджоникидзе, в 1940 г. Валерий Харазов (р. 1918) начал работать конструктором завода Но. 82 в Московской области, в 1941-1942 – конструктором завода Но. 16 в Казане, 1942 – 1946 г. технологом и старшим мастером завода Но. 45 в Москве. В последнем заводе он и начал свою партийную карьеру как заместитель секретаря ВЛКСМ завода, позднее, в 1949-1951 г. достиг поста секретаря ВЛКСМ горкома Москвы и в конце сталинского правления стал уже партократом – секретарем Первомайского райкома Москвы. Перед назначением в Москву в 1961 г., Харазов 1954-1955 г. работал секретарем горкома в Алма-Ате, 1955-1961 г. секретарем Гурьевского и Павлодарского обкомов в Казахстане²⁵, 1961-1967 г. Харазов «исполнял практику» инструктора в ЦК КПСС, в отделе организационной – партийной работы, после чего был назначен «Вторым» на Литву. Харазова заменивший Николай Дыбенко (р. 1928 г.) тоже имел опыт заводской работы. После окончания Сибирского горно-металлургического института, где получил диплом инженера-металурга, 1952 – 1954 он работал инженером-технологом на механическом заводе в Ярославской области г. Рыбинск, заместителем начальника завода «Труд», где, похоже на своего предшественника Харазова, начал партийную карьеру. Только в разницу, Дыбенко шел на повышение не через комсомольскую линию, а через линию «партийца-производителя». Характерно, что почти все позиции он занимал только на один год, после чего постепенно шел на повышение. В сущности, Дыбенко был типичный «оседлый регионал», долгое время проработавший в Новосибирске. Потому, в

²⁵ Личное дело Харазова, ОАЛ, ф. 1771, оп. 258, д. 383, Личный листок по учету кадров, л. 6. В Казахстане в короткий срок (1955-1956) первым секретарем работал и будущий ген. секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев.

отличие от Харазова, ему было лучше понятные проблемы региональной номенклатуры. 1954 – 1955 г. он работал секретарем завода «Труд», 1955-1957 – заведующим промышленного - транспортного отдела райкома, 1957-1958 – вторым секретарем райкома, 1958-1959 – председателем исполкома, 1961-1962 – первым секретарем райкома. В 1962 г. Дыбенко был выдвинут на пост заведующего отделом оборонной промышленности Новосибирского обкома, 1963-1964 г. работал вторым секретарем Новосибирского промышленного обкома, 1964-1966 г. – первым секретарем Новосибирского горкома. До своего назначения в Москву Дыбенко продолжительное время – 1966-1973 г. - работал секретарем Новосибирского обкома²⁶. С 1973-1978 г. Дыбенко работал заведующим сектором отдела организационно- партийной работы ЦК КПСС, после чего был назначен Вторым в Литве.

Биографические детали как бы указывает, что «Вторые» могли быть опекунами директоров заводов тяжелой промышленности. Казалось бы, что не получившие согласия на расширения завода в партийных и советских органах Литвы, руководители предприятий имели возможность обращаться к Вторым секретарям. Все таки, существующие архивные документы не позволяют твердо судить о их склонности к тяжелой промышленности. Надо сказать, что архивный фонд касающийся деятельности Вторых секретарей в Литве достаточно скудный. Например, среди материала ЦК КПЛ о деятельности секретарей существуют дела, в которых черновики с речами на предприятиях или в других организациях. Из этих документов можно разглядеть, какие заводы посещал секретарь, с представителями каких предприятий он мог быть хорошо знаком. Вторые секретаря единственные, чьих похожие дела не существует. Конечно, это не означает, что связей между Вторыми и представителями тяжелой промышленности не существовало. Например, в воспоминаниях бывшего инструктора отдела организационно - партийной работы ЦК КПЛ В. Бутенас утверждает, что Дыбенко любил общество представителей райкомов и заводов: «любил до утра посидеть с представителями горкомов и райкомов в не очень официальной комнатке ресторана или в баньке, после чего они всегда дождались заступничества «второго» при решении вопросов распределении лимитов на продовольствие или строительство, финансирования района, хозяйства или завода. Правда, не все такие посиделки оканчивались счастливо. До сих пор партийцы помнит «неожиданно» сломанную ногу Дыбенки в г. Кайшядоряй, несколько воспалений струн горла.»²⁷

²⁶ Личное дело Дыбенко, ОАЛ, ф. 1771, оп. 274, д. 410, л. 16.

²⁷ Vladas Butėnas, Cėka, Gairė, 2003, л. 85.

Причина силы и влияние Второго секретаря кроилась его связях в Центре. В республике Второй секретарь опирался на существовавшую «систему вторых лиц», от части, тесными отношениями со КГБ и Комитетом народного контроля. В отличии от представителей литовской номенклатуры, в поведении которых ощущается национальная идентичность, карьера которых заканчивалось территорией республики ограниченным пространством (хотя они и получали предложения делать карьеру в Москве, все таки из-за социо-культурных и семейных причин отказывались), Вторые секретаря свою деятельность в Литве представляли только как очередной временный этап своей карьеры.

С другой стороны, имея твердый «затылок» в Москве, второй секретарь должен был придерживаться стратегии балансирования, от части – «локализоваться», получая доверие местных функционеров. В брежневское время «Вторые» уже не могли надеется на массовую кадровую чистку, как это было в сталинское или хрущевское время²⁸, которые могли бы подорвать прочность сети литовской номенклатуры²⁹. Потому поведение «Второго» напоминает имперского наместника, который ретранслирует указания и решения центра, но в месте с этим представляет интересы и местных жителей в Центр. Второй секретарь, как и вся система «вторых лиц» было наиболее надежный канал передачи вести для низов. Например, по настаиванию второго секретаря Дыбенки партийные съезды и конференции КПЛ стали больше соответствовать духу перестройки, хотя при этом литовская номенклатура достаточно скептически отнеслась «новому ветру». С другой стороны, существуют письма, в которых «Второй» поддержал литовских функционеров в отношении к союзным министерствам. Например, в 1 октября 1966 г. с письмом к ЦК КПСС обратился второй секретарь Борис Попов, который жаловался на действия общесоюзных министерств, запоздавших с предъявлением своих планов³⁰.

До своего назначения проработав в Центре, вряд ли «Вторые» могли не знать об историях о отстранения своих предшественников из-за не находки общего разговора с местной номенклатурой. Так, по инициативе А. Снечкуса в 1967 г. из Литвы был отозван не угадивший Первому второй секретарь Борис Попов (1961-1967). Конечно, этот случай можно отнести к самому пику политического влияния «хозяина» – Снечкуса, который в свое время поддержал переворот Н.Хрущева в 1964 г., потому пользовался

²⁸ Например, после последней «чистки» в Прибалтике в 1959 г. латвийская номенклатура потеряла свое влияние. На важнейшие партийные посты пришли функционеры, которые полностью идентифицировались со всей СССР.

²⁹ По мнению О. Хлевнюка, сталинские чистки не позволяли создаться твердому слою локальной номенклатуры. См.: О. Хлевнюк, Советские региональные руководители: политизация номенклатуры, in: Т. Заславская, *Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год*, Москва: Логос, 1999, с. 98.

³⁰ Информация Попова в ЦК КПСС, Особый архив Литвы, ф. 1771, оп. 234, д.3. л. 32.

благосклонностью нового Брежневского окружения. После переворота также вырос авторитет и влияние М. Сулова, которого частично можно считать патроном Снечкуса – их знакомство длилась с послевоенных времен, 1944-1946 г. Сулов был председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Все таки, отстранение Попова не был одноразовым феноменом. После смерти Снечкуса в 1974 г. окружению нового «Первого» П. Гришкявичюса (1974-1987) также удавалось ограничить действия «Второго». Например в интервью Бразаускаса упоминается «заговор» против «Второго» – Валерия Харазова (1967-1978). По словам Бразаускаса, во время охоты в одной машине присевшие все секретаря ЦК КПЛ, за исключением самого Харазова, договорились вытеснить из республики большое влияние имевшего «Второго», что и случилось в 1978 г.³¹

Представляется, что добиться отстранения Харазова не было легко для литовской номенклатуры. Харазов приехал в Литву очень ему удобное время. В конце 60тых – в начале 70тых в советской политике проявился рост требований кадрам и этим вызванная замена кадров, рост партийных взысканий, партийное давление руководителям предприятий и другим функционерам, началась всеобщая кампания по замене партийных билетов³². Тем самым Харазов получил хорошую возможность утвердить свой авторитет. За пару лет после его приезда в Литву он еще не успел срастись с местной номенклатурой. Может быть, что в этих обстоятельствах и кроилась причина большого влияния Харазова, его стремления контролировать не только ему подведомственные сферы организационно партийной работы и кадры, но и другие сферы социального и экономического развития. Он, например, часто интересовался промышленными вопросами³³.

Отстранение и отзыв Харазова в Москву в перспективе сыграл большую роль в росте авторитета и влияния молодого, недавно на пост секретаря по экономике назначенного Бразаускаса. Харазова заменивший Николай Дыбенко (1978-1986) сразу не мог достичь такой политической силы, какую имел его предшественник. Это позволило из технократической среды выросшему Бразаускасу приобрести больше самоуверенности и навыков партийной работы. Значимость замены Второго секретаря хорошо видно не только из мемуаров и материала интервью, но и косвенно – из архивных документов. Например, в том же 1978 г. к руководству республики обратилось министерство судостроения СССР, с просьбой разрешить расширять судостроительный завод в г. Каунас «Пяргале». Короткая справка на этом письме, сделана рукой работника промышленного отдела Совмина ЛССР, хорошо открывает тогдашние бюрократические

³¹ Интервью С. Грибкаускаса с А. Бразаускасом от 11 февраля 2008 г.

³² Peter J. Boettke, *Calculation and Coordination*, Routledge, 2001, с. 220.

³³ Lietuva 1940-1990, Vilnius, 2007, с. 491.

процедуры и влияние отдельных функционеров: «Госплан (республики – С.Г.) по этому вопросу представил проект неположительного ответа 1978 04 21<...> Обсуждая этот вопрос у тов. Русенка и посоветовавшись с секретарем ЦК КПЛ было решено этот вопрос обсудить у тов. Бразаускаса. Целесообразность будущих строителств обсужден у тов. Бразаускаса 1978 06 (непрочитаемо – С.Г.). Решено вопрос о развитии «Пяргале» обсудить в бюро ЦК КПЛ. До 18 декабря 1978 г. этот вопрос не рассматривался в ЦК КПЛ. Связи с тем, что поменялся секретарь ЦК КПЛ, Ю. Русенка дал указание подготовить негативный ответ (министерству– С.Г.). А. Апинис 1978 12 (непрочитаемо– С.Г.)»³⁴.

В этой короткой справке очевидна нерешимость нового секретаря по экономике Бразаускаса взяться ответственности, его попустительство перед воли влиятельного Второго секретаря Харазова. Из негативного ответа в адрес министерства видно, что не только сам Русенко, но и Бразаускас поддерживал линию ограничивания развития этого завода, но не решался сам принять решение. В дальнейшем мы увидим Бразаускаса действующего более решительно.

В 1979 г. был создан Совет по распределению и развитию производственных сил при ЦК КПЛ. Главными задачами этого Совета было подготавливать проекты решений для Бюро ЦК КПЛ по вопросам как развития всей экономики республики в целом, так и по отдельным крупным предприятиям. Все таки, вопросы о развитии предприятий не доходили Бюро. После согласования в Совете, решение республики часто реализовалось через Совмин ЛССР, что тоже было только формальностью. Фактически право республики за присмотром за инвестициями со стороны союзных министерств было реализовано через этот Совет. Создание Совета можно считать стремлением литовской номенклатуры перенести вопросы по «кап. вложениям» на более высокий, партийный уровень, тем самым укрепив свои позиции в отношении союзных министерств. К тому очень важным был опыт Секретаря Бразаускаса, который 1967-1977 работал первым заместителем председателя Госплана республики и курировал сферу капитального строительства.

В отличии от своего предшественника, Дыбенка был более сговорчив и удобный для литовской номенклатуры. Несмотря на попадавшие редкие не согласия с первым секретарем П. Гришкявичюсом, по вспоминанию бывших деятелей, Гришкявичюс использовал знакомства Дыбенки для своих целей³⁵. Это как бы показывает, что мы можем говорить о своего рода «локализации» Дыбенки. То, что в 1986 г. он был отозван в

³⁴ Žr. SSRS Laivų statybos ministro pavaduotojo M. Lariošino 1978 m. balandžio 5 d. raštas LSSR Ministrų Tarybai. Žr. A. Apinio ranka rašytą pažymą ant rašto lapo kitos pusės, LCVA, f. R-754, ap. 4, b. 10006, l. 170.

³⁵ Vladas Butėnas, Cėka, Gairės, 2003, л. 85.

Москву не по инициативе литовской номенклатуры, свидетельствует, что Центра не устраивало «сращивание» поведения Дыбенки со интересами местной номенклатуры.

С первого взгляда может показаться, что центр не достаточно использовал те возможности, которые представлял институт Вторых секретарей и сама система «Вторых лиц». Все таки, нельзя забыть, что Второй секретарь для Центра был рядовым агентом, а не «генерал губернатором», как это показывается в «резистентской» историографии. Хотя в интересах роста влияния Второго секретаря в республике Центр и мог чаще производить чистки локальной номенклатуры и тем самым подорвать стабильность сетей местной номенклатуры, это не отвечало бы интересам самого Центра: 1) это повредило бы легитимности советской системы и строя в республике. Замена литовских функционеров русскими плохо бы оценивалось местными жителями, а на выращивание новой, грамотной поколения ушло бы много издержек. 2) Литовская номенклатура, несмотря на ее автономные стремления, была достаточно лояльна центру. Местная номенклатура была важным каналом информации для Центра, предоставляющая альтернативные сведения к информации с союзных министерств. Можно утверждать, что даже экономический национализм локальной номенклатуры играл на пользу как Центру, так и самой Советской системе.

Все таки, и достаточно поверхностный анализ деятельности второго секретаря позволяет утверждать, что Второй секретарь со своей идентичностью советского государства был наиболее удачливый подходом Центра в сфере контроля за экономикой. «Второй» как бы олицетворял государство и редко ввязывался в напряженные отношения министерство-республика. Хотя в воспоминаниях бывших деятелей литовской номенклатуры этот деятель как бы олицетворяет «империю», все таки, открытое не удовольствие «генерал губернатором» появилось только во время национальной мобилизации в горбачевское время. Стремление показать «Второго» как виновника большинства бед в республике мне представляется достаточно удачливым шагом бывшей литовской номенклатуры, позволяющим легитимировать бывшую свою деятельность в пост коммунистическом контексте. Второй секретарь стал своеобразным «козлом отпущения».

Несколько другой вопрос – хватало ли «Второму» секретарю институциональной силы для уверенного отстаивания интересов Центра и выдержки общесоюзной идентичности в условиях «национал-коммунизма». Достаточно короткое пребывание на посту из-за ротации не позволяло «Второму» развить тесных социальных сетей и тем самым расширить неформальный круг своих клиентов. Вряд ли «внизу» не понимали, что пребывание «Второго» в Литве временное и что вливание в его «группу поддержки»

может стать политически опасным. Для низких управленческих кругов наиболее прагматично было идентифицироваться с достаточно стабильной элитой литовской номенклатуры.

В отношении Второго секретаря, литовская номенклатура могла придерживаться двойной тактики: 1) постараться его «локализовать». При этом она не могла не иметь в виду, что из-за самой системы и социо-культурных причин второй секретарь может только достаточно относительно идентифицироваться с республикой. Для такой «локализации» более удобным был «мягкий»³⁶ Второй секретарь (например Дыбенко), аналогичный О. Хлевнюком намеченному типу «слабого секретаря» 2) Вытеснить «Второго» секретаря, добившись его отзыва в Москву. Такая тактика придерживалась в отношении секретарей-диктаторов (например - Харазов).

С точки зрения самого Центра, наиболее желаемые черты и поведение «Второго» - это «гибкий», влиятельный, свои социальные сети развивающий, но при этом неподдающийся «локализации» функционер. Все таки, выдержать такой баланс было трудно из-за временности этого поста, а долгое резидентство в республике одного лица повышало опасность его «локализации».

Некоторые выводы

1. Для управления промышленностью были свойственные «рутинный» (зам. министра СССР – зампред Совмина республики) и «экстраординарный» (Министр СССР – Первый, Второй секретари ЦК КП республики, председатель Совмина республики) уровня согласований решений. В промежуточном уровне между «рутинным» и «экстраординарным» были секретарь ЦК КП республики по экономическим вопросам и первый заместитель председателя Совмина ЛССР. В каждом из этих уровней существовал паритет между республикой и министерством.

2. Институт Вторых секретарей представлял для центра альтернативный канал информации и контроля за ситуацией в советской республике. Несмотря на некоторые дискриминационные моменты в плане национальной политике, Вторые секретаря в месте системой «вторых лиц» сфере экономики были или могли стать серьезным инструментом Центра, присматривающим за ходом отношений союзное министерство-республика.

³⁶ О. Хлевнюк, *Региональная власть в СССР в переходный период.*

Устойчивость и конфликты. 1953 – конец 1950-х гг.

<http://www.socialsciences.manchester.ac.uk/disciplines/politics/research/SovietProvinces/documents/Olegarticle.pdf>